

— Ну тебя съ масломъ! Я чуть голову себѣ не разбилъ: побѣжалъ за насѣдкой, споткнулся, кувшинъ разбился, — вонъ и черепки валяются. А сметану собака слизала.

— Да что это у тебя тѣсто по всей избѣ?

— Все твои свиньи проклятыя. Я кинулся за насѣдкой, — а онѣ въ избу: одна тѣсто стащила, другая ступу опрокинула и просо поѣла.

— Такъ ты ничего не сдѣлалъ?

— Не сдѣлалъ! Сдѣлаешь тутъ съ этими ястребами да свиньями.

— А я вотъ вспахала же всю полосу, да смотри, въ какую еще пору домой вернулась.

— Ишь, тамъ-то одно дѣло, а тутъ — вонъ сколько! И одно дѣлай, и другое, и третье. Гдѣ со всѣмъ управиться.

— Какъ-же я то каждый день управляюсь? То-то вотъ и есть: не споръ въ другой разъ, не говори, что намъ, бабамъ, дѣлать нечего.

Нищему подать, — Богу взаимы дать.

 въ одномъ городѣ жилъ-былъ татаринъ. Былъ онъ человѣкъ бѣдный, вдовый, съ малыми дѣтьми. Цѣлый день его дома нѣтъ, — онъ на поденщину ходилъ, — ребятишки все одни да одни: ни прибрать ихъ, ни накормить, ни присмотрѣть за ними некому. Жениться бы ему опять, — да кто за такого бѣднаго пойдетъ, чужихъ ребятъ нянчить? Вотъ и надумалъ татаринъ взять себѣ въ домъ работницу. Хотъ и тяжело бѣдняку лишній ротъ кормить, да что подѣлаешь, — жалко дѣтей.

Нашлась и работница подходящая. Померъ тутъ мужикъ одинъ, бѣдный, пребѣдный; такъ послѣ него дочь-сирота осталась. Ее татаринъ и сговорилъ, чтобъ служила у него изъ-за

хлѣба. Стали они жить. Дѣвушка, — Машей ее звали, — въ домѣ управляется, за дѣтьми смотритъ, обѣдъ готовить, — а татаринъ на поденщинѣ работаетъ. И такъ эта Маша ко двору ему пришлась, такъ за его татарчатами смотрѣла, — словно имъ мать родная, — что лучше ему, спокойнѣе за ней было жить, чѣмъ за своей женой: во всемъ онъ ей вѣрилъ, обо всѣхъ своихъ дѣлахъ съ ней совѣтовался. И заработокъ у него сталъ больше: первое, что работа навернулась выгодная, а второе — и работаться стало спорѣе, какъ пересталъ онъ ежечасно о своихъ ребятишкахъ душой болѣть.

Разъ вечеромъ, когда татаринъ дома былъ, подошелъ къ окошку нищій, старый старичокъ и проситъ милостынку. Маша подала ему хлѣба краюшку. «Что это ты, дѣвушка, — говоритъ Машѣ татаринъ, — нищимъ хлѣбъ раздаешь? Самимъ намъ только хватаетъ.» — «Ничего, сами какъ нибудь сыты будемъ; по нашему, надо нищимъ подавать, потому что нищему подать все равно, что Богу взаимны дать. А нашъ Богъ за добро во сто разъ отдаетъ», — говоритъ ему Маша.

Былъ у татарина прикопленъ на черный день серебряный цѣлковый. И чудное дѣло: съ той поры, какъ завелся у него этотъ цѣлковый — завелась и лишняя забота. Ночью татаринъ просыпаться сталъ: боится, не укралъ бы кто его денегъ, днемъ все ему думается: какъ бы этотъ цѣлковый въ оборотъ пустить, чтобы не лежалъ онъ такъ, даромъ, а выгоду приносилъ бы.

Запали татарину въ голову Машины слова; думалъ онъ, думалъ и порѣшилъ дать свой цѣлковый Русскому Богу взаимны. Пришелъ въ Воскресенье на церковную паперть — и отдалъ деньги первому нищему.

Долго-ли, коротко-ли, — заболѣла вдругъ татарина работа, и такъ тяжело заболѣла, что съ постели встать не можетъ, — вся, какъ огонь горитъ, какъ свѣчка день ото дня таетъ. Правду люди сказываютъ: бѣда идетъ, — за собой другую ведетъ. Какъ на грѣхъ, и хозяинъ Машинъ въ то-же время повредилъ себѣ руку топоромъ, — и ему работать нельзя. Пришла тутъ имъ бѣда неминуемая: дѣти голодные кричатъ, плачутъ ѣсть просятъ, а въ домѣ завалящаго куска хлѣба нѣтъ и до-

быть неоткуда. Вспомнил татаринъ про свой цѣлковый, что Русскому Богу взаимы отдалъ и говорить Машѣ: «Вотъ, дѣвушка, когда мой запасный цѣлковый намъ пригодился бы. Я его Вашему Богу, какъ ты меня учила, взаимы далъ, — надо бы теперь его назадъ взять. Больно нужно.»

А Маша и отвѣтить ему ничего не можетъ, — такъ разболѣлась. Пошелъ татаринъ на паперть, сталъ искать того нищаго, которому свой рубль далъ, — нѣтъ нищаго. Видитъ онъ, что проходятъ люди изъ церкви, — въ то время обѣдня шла, — и подають нищимъ милостыню, сталъ и онъ руку протягивать. Стоялъ, стоялъ, люди мимо идутъ, ничего ему не даютъ, все говорятъ: «Богъ подастъ!» Наконецъ, ужъ и обѣдня отошла, — выходитъ изъ церкви послѣ всѣхъ старый старичокъ въ бѣдной одеждѣ, и подалъ татарину копѣечку.

Воротился татаринъ домой и говорить Машѣ: «Вотъ, повѣрилъ я тебѣ, что Вашъ Богъ во сто разъ долги отдаетъ, а мнѣ за мой цѣлковый одну копѣйку отдалъ. Какъ мнѣ теперь копѣйкой васъ всѣхъ накормить?» Пошолъ онъ на рынокъ; что ни спросить, — все дороже копѣйки стоитъ, такъ и не купилъ ничего. Идетъ домой, голову повѣсивши, — а дорога шла берегомъ, — глядитъ: рыбакъ только что бредень вытащилъ, крупную рыбу отъ мелкой отбираетъ. Вотъ онъ и говоритъ рыбаку: «Дай мнѣ, добрый человѣкъ, рыбу за копѣйку: дома дѣти третій день не ѣвши.» Рыбакъ пожалѣлъ его и далъ ему за копѣйку рыбу — такъ небольшую.

Дома сталъ татаринъ эту рыбу чистить, чтобы дѣтямъ ее сварить, разрѣзалъ, — глядь, внутри у нея маленькій камушекъ, словно стекла кусочекъ, только на солнцѣ очень ужъ сильно блеститъ, радугой переливается. Онъ его Машѣ показалъ, а она ему и говоритъ, — ей полегче стало: — «Точно самоцвѣтный камушекъ. Сходи къ жиду, золотыхъ дѣлъ мастеру, — не дастъ ли за него чего.» Пришелъ татаринъ къ жиду. Только взглянулъ жидъ на камень — такъ у него глаза и загорѣлись. «Гдѣ ты это взялъ?» — спрашиваетъ. Татаринъ ему рассказалъ. «Ну, — говоритъ ему жидъ, — это ничего не стоитъ, такъ стеклышко.» — «Если ничего не стоитъ, и не надо; отдамъ дѣтямъ

играть. Положилъ татаринъ камушекъ въ карманъ и сталъ было уходить, а жидъ его за кафтанъ: «Погоди, погоди,—говорить;—и у меня дѣти играть любятъ. Давай сюда твой камушекъ, я тебѣ, такъ ужъ и быть, ради твоей бѣдности, дамъ за него три цѣлковыхъ!»—«Что-то ужъ сразу много жидъ даетъ,—думаетъ татаринъ,—можетъ, вещь-то цѣнная. Нѣтъ,—говорить,—что ужъ! Вы, жида, ради бѣдности чужимъ не дадите. Пойду, въ другомъ мѣстѣ камню цѣну узнаю.»—«Зачѣмъ въ другомъ мѣстѣ? Никто тебѣ больше моего не дастъ. Хочешь десять рублей?»—«Не хочу!»—«Ну, двадцать»—«И ста рублей не возьму»—«Бери сто рублей»—«Эге,—думаетъ татаринъ,—вотъ она вещь-то какая! Ладно,—говорить,—хочешь дать тысячу рублей,—получай камень, твое счастье!» Жидъ торговаться; ухватился за камень, весь дрожитъ, глаза блестятъ, вертитъ его въ рукахъ, на свѣтъ прикидываетъ. Набавилъ двѣсти, триста, пятьсотъ рублей,—не уступаетъ татаринъ. Нечего дѣлать, отсчиталъ ему жидъ за камушекъ тысячу рублей. Извѣстно, камень-то три стоилъ.

Воротился домой татаринъ, подошелъ къ Машѣ и говоритъ ей, да тихо такъ, степенно: «Ну, Маша, правда твоя. Великъ Вашъ Богъ христіанскій, правая ваша вѣра! Хочу по ней жить.»

Въ довольствѣ да въ холѣ скоро Маша поправилась. Хозяинъ ея окрестился, женился на ней и стали они жить, поживать да бѣдныхъ людей не забывать.

